

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Т. Ю. ВасильеваЧЕЛОВЕК В ОТРАЖЕНИИ ОТАНТРОПОНИМНЫХ ОЙКОНИМОВ
БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

В статье выявляются и описываются отантропонимные ойконимы Белорусского Поозерья, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внутренние качества и внешние признаки человека. Определяются и характеризуются мотивирующие основы, используемые в процессе образования подобных наименований. По семантическим параметрам названия подразделяются на две группы, внутри которых, в свою очередь, выделяются подгруппы. На основе количественных параметров устанавливаются наиболее популярны названия каждой группы.

Ойконимия любого региона представляет собой весьма интересное явление, поскольку названия поселений формируются длительное время под воздействием целого ряда факторов, главными из которых являются географическая среда, социально-экономические условия, морально-этические и религиозные представления.

Белорусское Поозерье как природный регион, выделяемый в результате физико-географического и ландшафтного районирования территории Беларуси, охватывает северную часть республики и ограничивается с юга линией, примерно проходящей по населенным пунктам Островец – Сморгонь – Вилейка – Докшицы – Псуя – Лепель – Новолукомль – Толочин – Осинторф. В административном отношении Белорусское Поозерье занимает почти всю Витебскую область, северо-западную часть Минской и северо-восточную Гродненской областей. В лингвистических исследованиях территория данного региона ограничивается пределами Витебской области.

Важнейшие этапы жизни белорусского народа и языковые особенности Белорусского Поозерья отразились в системе названий населенных пунктов региона. Так, поскольку он входил в состав Польши и Российской империи, в его пределах фиксируется значительное количество искаженных топонимов, несущих на себе следы полонизации и русификации. Вместе с тем Белорусское Поозерье представляет интерес в лингвистическом плане, поскольку данный регион «имеет богатую историю письменности, отражает дославянские явления в ономастике, дает возможность изучить на диалектном уровне особенности не только белорусского языка, но и островных русских и польских говоров» [1, с. 3].

Наиболее распространенными в ойконимной системе любого региона являются отантропонимные наименования, т. е. названия, сформированные на базе имен, прозвищ и фамилий первопоселенцев или владельцев населенного пункта. На факт преобладания ойконимов данного типа указывают многие исследователи ономастического материала (А. М. Селищев, А. К. Матвеев,

В. А. Никонов, И. И. Муллонен, Е. Н. Варникова, Л. Н. Монзикова). Отантропонимные ойконимы Белорусского Поозерья, будучи многочисленным и разноплановым с лексической точки зрения образованием, насчитывают 3 049 единиц (60,8 % от всех топонимов региона) и подразделяются на три группы: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе православных и католических имен; 3) названия-посвящения. Самыми многочисленными являются наименования, образованные на базе древних славянских имен (2 272 единицы, или 45,3 % от общего числа названий региона), которые в свою очередь могут быть разделены на две подгруппы: 1) наименования от одноосновных имен; 2) наименования от двухосновных имен. Наиболее популярны топонимы, мотивированные одноосновными древними славянскими именами, которые восходят к апеллятивной лексике (2 238 названий, или 44,6 % от общего количества ойконимов).

Исследователь современного фамильного антропонимикона Витебщины Г. К. Семенькова подразделяет антропонимы, мотивированные древними славянскими отапеллятивными именами и прозвищами, на две группы: 1) фамилии, образованные от *nomina personalia* (имен и прозвищ, характеризующих человека по какому-либо признаку или виду деятельности); 2) фамилии, образованные от *nomina impersonalia* (имен, восходящих к апеллятивам, называющим предметы, явления, вещества, понятия). В составе первой группы исследователь фиксирует 6 лексико-семантических разрядов антропонимов: 1) характеризующие человека в физическом и психическом планах; 2) указывающие на занятия, профессию, социальный статус; 3) называющие человека по этнической и национальной принадлежности; 4) отражающие семейное положение; 5) характеризующие обстоятельства появления ребенка в семье и отношение к нему родителей; 6) описывающие особенности появления человека в населенном пункте [2].

Наиболее богатую и разнообразную информацию о человеке, специфике восприятия и оценки его внутренних качеств и внешнего облика дают онимы, мотивированные антропонимами, характеризующими человека в психическом и физическом планах, исследование которых является целью нашей работы.

Подобные наименования представляют собой весьма интересный в лингвистическом плане пласт, поскольку часть ойконимов соотносится с апеллятивами, которые в современном белорусском и русском языках не употребляются. В данном аспекте ойконимия выступает как своеобразный хранитель лексем, которые утратил язык, и, таким образом, дает чрезвычайно важный материал для лексикологических и этимологических исследований.

Положив в основу анализа классификацию имен-прозвищ, предложенную Г. К. Семеньковой, выявленные нами ойконимы мы разделили на две группы: 1) ойконимы, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внутренние качества человека; 2) ойконимы, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внешние признаки человека. Следует отметить, что в ойконимной системе региона наблюдается паритетное соотношение онимов первой

и второй групп, в отличие от фамильного антропонимикона Витебщины, где, по данным Г. К. Семенковой, лидируют онимы второй группы (пропорция составляет 3:1).

В основах ойконимов первой группы фиксируются апеллятивы, указывающие на 1) особенности характера и поведения и 2) умственные способности. Лидерство принадлежит топонимам первой подгруппы, которые насчитывают 157 единиц, или 51 % от общего количества проанализированных ойконимных единиц: *Болбасово* – белорус. рег. *болбас* ‘болтун’ [3, с. 57]; *Буяново, Буяны* – белорус. *буян* ‘буян, дебошир’ [3, с. 74]; *Ворохобки, Ворохобы* – рус. *ворохоба* ‘нерассудительный, легкомысленный человек’ [3, с. 82]; *Гейбовичи* – лит. *gėiba, gėiba* ‘слабый, неловкий, неумелый’ [3, с. 107]; *Завидичи* – рус. *завида* ‘завистливый человек’ [3, с. 153]; *Клипы* – рус. рег. *клипа* ‘надоедливый, назойливый человек’ [4, с. 299]; *Копасы* – ср.: рус. *копоский* ‘разборчивый, придирчивый’ [3, с. 213]; *Мерзляки, Мерзляково* – рус. рег. *мерзляк* ‘зябкий человек, зяблик, ознобуша’ [5, с. 320]; *Моторино* – рус. *мотора* ‘расточитель’ [3, с. 279]; *Ползуново* – рус. рег. *ползун* ‘подлый, низкий, искательный человек’ [6, с. 260]; *Прокуды* – белорус. *пракуда* ‘бедокур, баловень’ [3, с. 331]; *Райково* – белорус. рег. *райко, райка* ‘советчик, тот, кто дает советы’ [3, с. 347]; *Семенилово* – рус. рег. *семенила* ‘тот, кто семенит’, ср.: рус. *семенить* ‘суетиться без толку, лебезить, егозить’ [7, с. 173]; *Чурилово* (4) – белорус. рег. *чурьла* ‘неопрятный человек, пугало’, ‘нелюдим, нелюдимый человек, бука’ [3, с. 453]; *Шабуня* – белорус. рег. *шабуня* ‘шутник’, ср.: рус. *шабунять* ‘подсмеиваться, смеяться над кем-либо’ [3, с. 459]; *Шалыги* – белорус. рег. *шалыга* ‘обманщик, плут, лгун’ [3, с. 464] и др. Примечательно, что лексемы, дающие отрицательную характеристику человеку, встречаются в основах ойконимов в 10 раз чаще, чем те, которые характеризуют человека положительно. Преобладание апеллятивов, называющих отрицательные черты характера, отмечается также в фамильном антропонимиконе Витебщины, однако здесь пропорция составляет лишь 2:1 [2, с. 115]. Современный ойконимикон Белорусского Поозерья содержит 141 название, которые соотносятся с апеллятивами, дающими негативную оценку человеку: *Балабаницина* – белорус. рег. *балабан, балабон* ‘пустомеля, болтун’, рус. рег. *балабан* ‘болван, дурак’, ‘грубый человек’, ‘баловник’, ‘неприветливый или застенчивый парень высокого роста’ [3, с. 36]; *Буки* (2), *Буково* (2), *Буковщина* – рус. рег. *бука* ‘пугало’, ‘нелюдим, суровый, угрюмый человек’ [3, с. 65]; *Крикуны; Лапуты* – белорус. рег. *лапута* ‘неповоротливый, неуклюжий’, ‘ободранный’ [3, с. 246]; *Пискуново, Пискуны* – белорус. рег. *піскун* ‘тот, кто досаждает своей писклявой просьбой’ [8, с. 285]; *Привальни* – рус. рег. *привалень* ‘привалень, увалень, дармоед, лентяй’ [6, с. 401]; *Шкели* – белорус. рег. *шкель* ‘насмешник, зубоскал’ [3, с. 474]; *Шумилино* – белорус. рег. *шуміла* ‘тот, кто шумит, любит ругаться, крикун’ [3, с. 483] и др. В основах 14 топонимов содержится положительная характеристика: *Бывалино* – ср.: рус. рег. *бывалый* ‘человек

опытный, искусившийся, тертый, кому не в диковинку то, о чем идет речь, находчивый' [9, с. 148]; *Добрино* (4); *Придумки* – ср.: рус. *придумчивый человек, придумщик, -щица* 'изобретательный, находчивый' [6, с. 411]; *Рубашино* – белорус. рег. *рубаша* 'большой труженик', ср.: *рубашливый* 'очень трудолюбивый' [8, с. 319]; *Хондоги* – ст.-белорус. и рег. *хандога* 'тот, кто любит чистоту, опрятный человек' [3, с. 427]; *Хороброво* и др. В пределах региона отмечено два названия, содержащих нейтральную характеристику: *Бобоедово* – белорус., рус. 'тот, кто ест боб' [3, с. 28]; *Гуторы* – белорус. *гутар* 'тот, кто любит поговорить' [8, с. 140].

Факт преобладания в основах онимов апеллятивов, называющих отрицательные черты характера, исследователями ономастического материала связывается с особой экспрессивностью подобных наименований. Кроме того, отмечается, что подобные прозвища, впоследствии перешедшие в разряд фамилий, изначально давались с целью обмана злых сил, которые могли навредить человеку. На существование такой традиции не только на территории Витебской области, но и в белорусской антропонимии вообще указывают А. М. Мезенко и Т. В. Скребнева [10].

Лексемы, характеризующие умственные способности человека, фиксируются в 3 ойконимах региона (1 % от общего количества проанализированных единиц): *Бандури* – рус. рег. *бандура* 'дурень, глупец, олух' [11, с. 93]; *Теляки* – белорус. рег. *цяляк* 'дурак, неуклюжий' [3, с. 443]; *Тупичино*.

Анализ признаков, легших в основу наименований, позволяет выявить ценностные ориентиры создателей онимов. Так, исследование топонимов, содержащих положительную характеристику человека, выявляет следующие приоритеты: находчивость (5 единиц), щедрость (2), храбрость (2), приветливость (2), трудолюбие (1), чистоплотность (1), доброта (1).

Соответственно, отрицательно оцениваются и осуждаются такие качества, как болтливость (18 единиц), неопрятность (12), назойливость (10), лень (7), легкомысленность (5) и др.

Ойконимы, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внешние признаки человека, подразделяются на 7 подгрупп. В основах таких наименований фиксируются лексемы, указывающие на следующие признаки.

1. Цвет волос, кожи (44 ойконима, или 14 % от общего количества проанализированных ономастических единиц): *Белоусы, Беляны* (4), *Белянково, Беляки, Беляи, Рудаки* (3), *Рудаково* (2), *Руди, Рудые, Рыженьки, Русаны, Черныши, Чернооки, Черничёнки* и др.

Самыми продуктивными на Витебщине являются апеллятивы с основой *бел-*, указывающие на светлый цвет волос и кожи человека, зафиксированные в 19 ойконимах. К таким названиям относим также топонимы *Желтовщина* (от рус. рег. *желтый* 'русый, светлорусый' [12, с. 116]) и *Русаны* (от белорус. *русан* 'русый, светловолосый' [3, с. 355]). На втором месте по популярности – лексемы с основой *руд-* (*рыж-*), называющие человека с рыжими волосами, которые отмечаются в основах 13 названий населенных пунктов. Практически такой же активностью характеризуется основа *черн-*,

встречающаяся в 10 ойконимах. Похожая картина наблюдается в современном фамильном антропонимиконе Витебщины, однако если здесь на первом месте, как и в ойконимиконе, находится основа *бел-*, то второе занимает основа *черн-*, в то время как основа *руд-* располагается лишь на третьем месте.

2. Рост, телосложение (28 единиц, или 9 %): *Карандаши* – рус. рег. *карандаш* ‘коротыш, коротышка, недоросток, малорослый человек’ [5, с. 90]; *Короткевичи*; *Малютино* – белорус. рег. *малюта* ‘ребенок, маленький ребенок’, укр. ‘малыш, маленький, низкорослый человек’ [3, с. 272]; *Пыжи* – белорус. рег. *пыж* ‘низкорослый человек, карапуз’ [3, с. 340]; *Росляки*, *Рослые*; *Тыльцы* – польск. *tyły* ‘полный, толстый’ [3, с. 419]; *Толстюки*, *Толстики*; *Хиловщина* и др.

3. Физические недостатки (25 наименований, или 8 %): *Горбачево* (2), *Горбачёнки*, *Горбачи*; *Горбули* – белорус. рег. *гарбуль* ‘горбатый’ [3, с. 103]; *Кривелёво* – белорус. рег. *кrywель* ‘кривой’ [3, с. 222]; *Кособуки* – ср.: белорус. рег. *касабуцкі* ‘косоглазый’ [3, с. 190]; *Сухоруково*; *Тригубцы* – ср.: рус. *тригуб* ‘человек с раздвоенной губой, которая создает впечатление трех губ’ [8, с. 372]; *Хромые* и др.

4. Особенности частей тела (23 ойконима, или 8 %): *Волосачи*; *Грибали* – белорус. рег. *грыбель* ‘губатый, губач’ [3, с. 118]; *Грибачи*; *Лобаны* (2) – рус. рег. *лобан* ‘человек или животное с большим лбом’ [3, с. 239]; *Носачи*; *Ушанишки* – рус. рег. *ушан* ‘человек или животное с большими ушами’ [3, с. 422]; *Чубатые* и др.

5. Особенности речи (13 единиц, или 4 %): *Гамзелёво* – белорус. рег. *гамзель* ‘тот, кто говорит в нос, гнусавит’ [8, с. 114]; *Картавые*; *Сакуны* – белорус. рег. *сакун* ‘тот, кто произносит [с] вместо других звуков или твердое [с] вместо мягкого’ [3, с. 361]; *Шепелево* – белорус. рег. *шпель* ‘шепелявый человек’ [3, с. 466] и др.

6. Особенности движения (11 топонимов, или 4 %): *Скрабатуны* – белорус. рег. *скрабатун* ‘тот, кто шаркает ногами при ходьбе’ [3, с. 379]; *Шавляны* – рус. рег. *шавля* ‘тот, кто шаркает ногами при ходьбе’ [8, с. 114]; *Шаркели* – белорус. рег. *шаркель* ‘тот, кто ходит шаркая ногами’ [3, с. 468] и др.

7. Возраст (3 ойконима, или 1 %): *Можулево* – ср.: лит. *mažulis* ‘младший, малыш’ [3, с. 266]; *Юньки*, *Юнцы*.

Доступность для непосредственного наблюдения внешних признаков стала базой для формирования таких ойконимов. Так, чем ярче была внешняя примета человека (цвет волос, кожи, рост, телосложение, физические недостатки, особенности частей тела), тем продуктивнее образовывались наименования на ее основе. С этой точки зрения малочисленность наименований, характеризующих особенности речи, движения, возраст человека, обуславливается затрудненностью наблюдения, требующего иногда длительного времени для выявления подобных признаков.

Таким образом, ойконимы Белорусского Поозерья, характеризующие человека в психическом и физическом планах, представляют собой немногочисленную, но весьма интересную как в культурологическом, так

и в лингвистическом аспектах группу. Подобные топонимы содержат информацию о ценностных приоритетах, о специфике восприятия внутренних качеств и внешних признаков человека, при этом в основах подобных названий чаще фиксируются лексемы, имеющие негативную эмоциональную окраску. Кроме того, многие названия соотносятся с апеллятивами, которые в современных русском и белорусском языках не употребляются, что свидетельствует о большой лингвистической ценности данного языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / А. М. Мезенко [и др.] ; под ред. А. М. Мезенко, А. В. Русецкого. – Минск : Белорус. наука, 2001. – 214 с.
2. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць / Г. М. Мезенка, В. М. Ляшкевіч, Г. К. Семянькова. – Віцебск: Выд-ва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.
3. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
4. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.] ; под. ред. Ф.П. Филина. – Л. : Наука, 1977. – Вып. 13 : Калун – Кобза. – 359 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 2 : И – О. – 1989. – 779 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 3 : П. – 1990. – 555 с.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 4 : Р – v. – 1991. – 683 с.
8. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1 : А – З. – 1989. – 699 с.
10. Мезенко, А. М. Антропонимное пространство Витебщины / А. М. Мезенко, Т. В. Скребнева. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – 148 с.
11. Словарь русских народных говоров / сост. И. А. Попов [и др.] ; под. ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, 1966. – Вып. 2 : Ба – Блазниться. – 316 с.
12. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.] ; под. ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, 1972. – Вып. 9 : Ерепеня – Заглазеться. – 364 с.

The article is devoted to the research of the anthroponymous oikonoms of the Belarussian Poozerye, motivated by the names of internal qualities and external characteristics of a person. The main motivating bases used in the ways of formation of these names are brought out. Based on quantitative parameters the most popular names of groups are defined.

Поступила в редакцию 16.02.18